

И.Г. Табашников

**Литературная, музыкальная
и художественная
собственность**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И.Г. Табашников
И11 Литературная, музыкальная и художественная собственность: Том 1 / И.Г. Табашников – М.: Книга по Требованию, 2014. – 576 с.

ISBN 978-5-458-00673-6

Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. Том 1. Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект.

ISBN 978-5-458-00673-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Литературная собственность, эта весьма важная отрасль гражданского оборота, породившая за границею не малое число специальных сочиненій, находится въ нашей отечественной литературѣ почти въ эмбриологическомъ состояніи. Не смотря на ея живой и громадный интересъ, ей доселѣ посвящено у насъ лишь одно небольшое изслѣдованіе г. Спасовича, которое стремится исчерпать все ученіе о ней какъ относительно ея цивилистической стороны, такъ и относительно криминальной. Къ сожалѣнію, г. Спасовичъ слишкомъ сѣзрилъ свою задачу и представилъ лишь крайне сжатый очеркъ, далеко не соответствующій той роли, которую играютъ на нынѣшнихъ рынкахъ произведенія ума. Желая, по мѣрѣ своихъ силъ, восполнить этотъ важный пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ, авторъ предлагаемой книги принялъ на себя трудъ подробнѣе ознакомить нашу юридическую публику съ положеніемъ литературной собственности въ наукѣ и въ дѣйствующемъ законодательствѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, ему не удалось воспользоваться всѣмъ тѣмъ, что было написано объ этомъ институтѣ; а потому онъ вынужденъ былъ сосредоточить свое вниманіе на важнѣйшихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ объ авторскомъ правѣ, полагая, что подробное ознакомленіе читателя съ этими послѣдними можетъ дать возможность составить себѣ довольно опредѣленный и вѣрный взглядъ на юридическое существо литературной собственности и на

наиболѣе приличествующее ей мѣсто въ общей системѣ гражданскаго права. Чтобы читатель, желающій провѣрить взгляды какъ самого автора, такъ и цитируемыхъ имъ писателей, не нашелся въ трудно осуществимой необходимости справляться съ подлинными сочиненіями, авторъ передаетъ воззрѣнія означенныхъ писателей ихъ собственными словами съ такою полнотою, которая можетъ навлечь на него упрекъ, что онъ наполнилъ свою книгу отрывками изъ разныхъ сочиненій. Но предвидѣвши возможность такого упрека еще въ самомъ началѣ своего труда, онъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ и полезнымъ не отступать отъ усвоеннаго имъ метода изложенія. Въ этомъ случаѣ онъ руководился тѣмъ соображеніемъ, что нашъ читатель поставленъ въ положеніе гораздо болѣе неблагопріятное, чѣмъ читатель иностраннѣй: въ то время, какъ послѣдній имѣетъ всегда подъ руками богатую литературу на своемъ родномъ языкѣ по каждому спеціальному вопросу, которою и можетъ воспользоваться въ своихъ выгодахъ, нашъ читатель вынужденъ довольствоваться тѣмъ, что предлагаетъ ему авторъ даннаго спеціального изслѣдованія на русскомъ языкѣ. Почти всѣ источники и пособія такого изслѣдованія для огромнаго большинства русскихъ читателей недоступны, во-первыхъ, потому, что они написаны на иностранныхъ языкахъ, а во-вторыхъ, потому, что ихъ необходимо спеціально выписывать изъ-за границы, такъ какъ въ нашей книжной торговлѣ ихъ неимѣется. Въ виду этого авторъ льститъ себя надеждою, что русская публика безъ чувства досады отнесется къ нѣкоторой растянутости его изслѣдованія, безъ сомнѣнія, излишней для истинныхъ спеціалистовъ гражданскаго права, но весьма полезной для огромнаго большинства читателей, на которыхъ, по крайнему разумѣнію автора, должно быть расчитано всякое ученое сочиненіе въ области права.

Въ предлагаемой книгѣ авторъ выполняетъ лишь часть той задачи, которую онъ принялъ на себя, оставляя за собою право выполнить ее всецѣло въ ближайшемъ будущемъ.

Въ слѣдующемъ томѣ будутъ изложены конецъ ученія о литературной собственности и все ученіе о собственности художественной и музыкальной. При изложеніи авторъ придерживался и будетъ придерживаться общепринятой нѣмецкой системы, считая ее наиболѣе пригодною для правильнаго научнаго анализа юридическихъ институтовъ. А потому онъ начинаетъ съ анализа понятія литературной собственности, при чемъ излагаетъ съ возможною подробностью различныя возрѣнія ученыхъ юристовъ на это понятіе; затѣмъ предлагаетъ относительно полный историческій очеркъ литературной собственности, отъ котораго переходитъ къ ученію объ объектѣ и субъектѣ этой собственности. Авторъ приложилъ все свое стараніе къ тому, чтобы по мѣрѣ своихъ силъ всесторонне и добросовѣстно выполнить свою задачу. Не ему судить, насколько онъ приблизился къ этой цѣли. Во избѣжаніе недоразумѣній авторъ проситъ читателей внести предварительно въ текстъ книги указанныя въ спискѣ опечатокъ исправленія.

И. Табашкинъ.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ.

Стр.	строка	напечатано	слѣдуетъ читать.
9	7 сверху	Пиргеймеру	Пиргеймеру.
—	17 " "	произведеіе	произведеіе и
34	3 снизу	отношеніи	отношеніи
53	17 сверху	право	права на
64	5 "	договоръ	договора
101	1 "	Вахтеръ	Вахтеръ
102	9 "	и	и
106	18 "	должна	должны
—	19 "	принята	приняти
117	14 снизу	подъ ихъ	ихъ подъ
121	13—14 снизу	никого	никакого
146	4 сверху	ограченнаго	ограниченнаго
160	16 "	пришелъ	идеть
—	2 снизу	Не	Но
178	5 "	разгѣщать	разгѣщать ихъ
190	8 "	petoa ideat	peto audeat
216	11—12 сверху	скрѣпныхъ	скрѣпленныхъ
217	11—12 "	вопросовъ	вопроса
219	16—17 "	нажившихъ	наживавшихъ
222	4 сверху	Sac	Sacy
228	10 "	съ нимъ	съ ними
238	16 "	adjoints	adjoints
245	2 "	что	чтобы
273	13 "	Не	Но
276	2 "	множество	много
285	8 снизу	авторамъ	авторамъ
289	8 сверху	онъ но	онъ но онъ
291	5 снизу	является	является и но
296	15 "	ст.	въ ст.
319	вмѣсто строкъ отъ 5—7 снизу		Сказанная имъ по этому поводу весьма любознательная рѣчь осталась однако безъ всякаго практическаго ре- зультата.
351	18 "	Глава V	Глава IV
384	1 сверху	текста	текстъ
388	3 "	домедій	домедіаго
408	14 снизу	этотъ	этотъ не
422	1 "	сному	самоу
462	16 сверху	предвонимнымъ	псевдовонимнымъ
467	20 "	писателю	читателю
478	6 "	рассматриваются	рассматривается

ГЛАВА I.

Возвръщія на юридическую природу литературнаго произведенія, господствовавши у писателей прошлыхъ двухъ столѣтій. Нравственность и естественное право, какъ главные доводы этихъ писателей противъ контрафакціи; причина отсутствія у нихъ болѣе серьезныхъ юридическихъ доводовъ.

Съ самаго изобрѣтенія письменности люди не переставали писать и сочинять, и древнія времена завѣщали намъ не мало великихъ произведеній, дошедшихъ до насъ лишь благодаря средству передавать мысли письменными знаками. Несмотря на то, вопросъ о литературной собственности возникъ лишь съ открытіемъ искусства книгопечатанія, т. е. съ 1445 г., и теперь еще не можетъ быть сочтенъ разрѣшеннымъ окончательно. Въ то время, какъ другіе институты гражданскаго права, по времени своего зарожденія, далеко уступающіе такъ называемому авторскому праву, давно уже заняли соответствующее имъ мѣсто въ общей системѣ науки гражданскаго права и перестали быть предметомъ споровъ еще въ Римѣ, институтъ литературной собственности доселѣ находится въ состояніи броженія, и не только не пользуется еще постояннымъ мѣстожительствомъ въ системѣ частнаго права, но и самое понятіе его не можетъ быть названо выясненнымъ окончательно.

Достаточно даже поверхностнаго взгляда, чтобы ненормальность такого положенія вещей стала вполне ясною. Съ одной стороны интеллигенція неустанно трудится надъ развитіемъ и просвѣщеніемъ человѣчества и улучшеніемъ его матеріальнаго благосостоянія, постоянно и неуклонно продолжаетъ оказывать ему безчисленныя и величайшія услуги созданіемъ и развитіемъ наукъ, искусствъ и худо-

жествъ, превращаетъ человѣка въ истиннаго царя окружающей его природы и раскрываетъ ему законы бытія вселенной, а съ другой человѣчество, какъ будто не сознаетъ, чѣмъ оно обязано представителямъ своихъ умственныхъ силъ, и только въ прошломъ столѣтіи рѣшилось признать за ними исключительное право извлекать матеріальныя выгоды изъ ихъ умственныхъ произведеній и то въ ограниченномъ размѣрѣ. Въ наше время почти всѣ законодательства цивилизованныхъ государствъ предоставляютъ автору право полного и исключительнаго распоряженія своимъ произведеніемъ лишь на время его жизни; наследникамъ же автора они даютъ это право *только* на извѣстный срокъ. Такимъ образомъ ему отказываютъ въ томъ, чѣмъ пользуются рѣшительно всѣ люди съ самаго зарожденія понятія о собственности. Между тѣмъ, увлекаемая ролью двигателей и просвѣтителей человѣчества, сами авторы въ большинствѣ своемъ не только примиряются съ означеннымъ отношеніемъ положительныхъ законодательствъ къ литературнымъ произведеніямъ, но даже стараются подыскать ему научное оправданіе, и вслѣдствіе того видятъ въ литературномъ произведеніи не собственность въ общепринятомъ смыслѣ, а собственность *suī geŕeris*, нѣчто междуполое въ ряду остальныхъ институтовъ гражданскаго права. Это приводитъ насъ къ необходимости заняться, прежде всего, изслѣдованіемъ самого понятія литературной собственности, которое всего лучше можетъ выясниться изъ обзора цѣлаго ряда возрѣвій, выраженныхъ на этотъ институтъ учеными юристами.

Обозрѣвая совокупность этихъ возрѣвій, нельзя не замѣтить странныхъ колебаній, особенно бросающихся въ глаза у писателей послѣдняго времени. Чѣмъ старѣе писатель, тѣмъ тверже и увѣреннѣе онъ отправляется отъ понятія авторскаго права, какъ безусловной собственности автора на его литературное произведеніе. Между новыми писателями замѣчается сначала полное отрицаніе за авторомъ какихъ-либо вещныхъ правъ на его произведеніе, въ

замѣнъ которыхъ за нимъ признается лишь право на вознагражденіе за трудъ; слѣдовательно, у писателей этой категоріи авторъ разсматривается, какъ наемщикъ общества, а его произведеніе, какъ работа, со дня ея окончанія и врученія обществу становящаяся общественнымъ достояніемъ; за нимъ сверхъ того признается еще личное право авторства, т. е. право считаться непосредственнымъ творцомъ даннаго литературнаго произведенія. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему послѣднему времени, тѣмъ болѣе мы замѣчаемъ у писателей стремленіе придать авторскому праву вещную оболочку. Они не соглашаются считать его собственностью и слѣдовательно приписать ему всѣ юридическія послѣдствія послѣдней, но за то усматриваютъ въ немъ право имущественное и даже вещное, и на этомъ основаніи относятъ его къ обширной области этого рода правъ. Но такъ какъ, съ ихъ точки зрѣнія, авторское право не подходитъ ни подъ одинъ изъ извѣстныхъ наукѣ типовъ правоотношеній, то они или совершенно обходятъ вопросъ о его классификаціи, т. е. они или вовсе не указываютъ ему подобающаго мѣста въ общей системѣ науки гражданского права, или же выражаются на этотъ счетъ очень неопредѣленно и туманно.

Подобныя колебанія, какъ мы постараемся доказать ниже, объясняются историческими судьбами этого института, со времени изобрѣтенія книгопечатанія ставшаго предметомъ аичной хищности различныхъ издателей по ремеслу и не находившаго себѣ никакой юридической защиты въ прежнихъ законодательствахъ, вслѣдствіе чего писатели и издатели вынуждены были выпрашивать эту защиту, какъ милости. Новые писатели, обратившіеся къ изученію авторскаго права, стали лицомъ къ лицу съ страннымъ отношеніемъ къ нему всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ государствъ, и будучи подавлены этимъ нагляднымъ единомысліемъ послѣднихъ, приняли историческій фактъ за существо института и направили свои силы на оправданіе этого факта съ научной точки зрѣнія. Они ищутъ объясненія его не въ

исторіи, гдѣ его собственно слѣдуетъ искать, а въ существѣ самого института, въ его юридическихъ свойствахъ, будто бы обусловливающихъ собою постановленія современныхъ законодательствъ.

Писатели нашихъ дней, какъ мы сказали выше, стремятся придать авторскому праву имущественную оболочку, усматривая въ немъ лишь имущественное пользованіе авторомъ своимъ сочиненіемъ. Такимъ образомъ, они отступаютъ отъ воззрѣнія тѣхъ своихъ предшественниковъ, которые, видя въ литературномъ произведеніи общественное достоинствѣ, признавали за авторомъ лишь право на вознагражденіе за трудъ. Слѣдовательно, они открываютъ собою обратное движеніе, неизбѣжно, по нашему мнѣнію, долженствующее привести къ тому, изъ чего исходили писатели прошлаго столѣтія. Да иначе и быть не можетъ. Воззрѣніе, котораго придерживались писатели начала XIX столѣтія, выработалось подъ влияніемъ къ этому времени окончательно утвердившагося нынѣшняго отношенія къ литературному произведенію положительныхъ законодательствъ. Подобное воззрѣніе противно не только справедливости, но и вообще наукѣ права; а писатели, пытавшіеся придать ему научное оправданіе, измѣнили своему прямому назначенію быть служителями истины и низвели науку съ подбавляющей ей высоты на степень служебнаго и подчиненнаго отношенія явленіямъ дѣйствительной жизни. Это заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и назначеніи науки и ея представителей, дабы при дальнѣйшемъ изложеніи не возвращаться вновь къ этому предмету.

Наука не можетъ и не должна рабски подчиняться фактамъ жизни; она идетъ своимъ особымъ путемъ, и если заимствуетъ свой матеріалъ изъ жизни, то единственно для того, чтобъ очистить его отъ постороннихъ примѣсей и привести въ разумный порядокъ и гармонію съ высшими началами правды и справедливости. Освѣщая своимъ свѣтомъ явленія жизни, она указываетъ ей дальнѣйшее направленіе и выясняетъ законы, которыхъ ей слѣдуетъ дер-

жаться при своемъ поступательномъ движеніи. Только въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать въ наше время часто высказываемое желаніе, чтобы теорія и практика шли рука объ руку, чтобы они находились между собою въ постоянномъ единеніи. Съ своей стороны, вполне раздѣляя это желаніе, мы рѣшаемся, однако, утверждать, что союзъ этотъ не долженъ быть равнымъ, что гегемонія въ немъ должна принадлежать именно наукѣ, т. е. теоріи, а не практикѣ. Получая отъ послѣдней сырой матеріалъ, наука расплачивается съ нею отвлеченными отъ него вѣчными истинами, добытыми путемъ логическаго мышленія, чуждаго всякаго частнаго интереса, всякой національности. Она устанавливаетъ вѣчные законы, обязательные для всѣхъ временъ и народовъ и настолько прочные, что ихъ не можетъ поколебать никакая земная сила, какъ бы всемогуща и грозна она ни была. Въ этомъ именно смыслѣ ее можно назвать всемірною законодательницею, и вотъ почему всякій разумный законодатель, стремящійся создать прочные законы для своего народа, обращается прежде всего къ наукѣ, и ея указанія и совѣты кладетъ въ основаніе своего законодательнаго зданія. Исторія намъ показываетъ, что всѣ законодательства, построенныя не на научныхъ началахъ, а на національныхъ основахъ, на такъ-называемомъ обычномъ правѣ или на произволѣ законодателя, съ теченіемъ времени становятся бременемъ для народа и рушатся подъ ударами научной критики и смутнымъ стремленіемъ общества къ тѣмъ вѣчнымъ истинамъ, которыя составляютъ главное содержаніе науки права. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на примѣръ двухъ государствъ, именно Англіи и нашего отечества. Англія, эта классическая страна обычнаго права, давно уже ощущаетъ всѣ связанныя съ нимъ неудобства и въ послѣднее время ясно обнаруживаетъ стремленіе ввести у себя юридическій порядокъ, господствующій въ континентальной Европѣ и выработавшійся подъ непосредственнымъ влияніемъ научныхъ элементовъ тамошняго общества. Наше отечествен-

ное законодательство, какъ всякому русскому юристу извѣстно, составилось изъ отдѣльныхъ указовъ и законоположеній, изданныхъ по поводу частныхъ случаевъ. И что же? Теперь, когда новые судебные уставы дали возможность нашей юридической жизни воспрянуть отъ глубокаго сна, въ который она была погружена, и широко распустить свои крылья, мы вдругъ урѣли, что у насъ есть не систематически построенные законы, а лишь зачатки ихъ; мы нашли въ необходимости умѣрить быстрое движеніе нашей юридической жизни и затормозить ее истинно грандіозные успѣхи, единственно благодаря отсутствію у насъ законовъ, прошедшихъ чрезъ дистиллирующее горнило науки.

Чтобы ни говорили сторонники обычнаго права и національности въ правѣ, мы вмѣсто всякаго отвѣта укажемъ на примѣръ почти всѣхъ цивилизованныхъ государствъ Европы и въ особенности нашего отечества, гдѣ новые судебные уставы отнюдь нельзя назвать продуктомъ самобытнаго развитія нашего юридическаго строя. Не смотря на то, кто-же рѣшится сказать, что это заимствованіе вредно отозвалось на нашей жизни и кто отважится отрицать благотѣльные его послѣдствія? Национальность и традиціи имѣютъ глубокой смыслъ только въ политической жизни народа; въ области же права, имѣющаго своимъ главнымъ назначеніемъ опредѣленіе и огражденіе личныхъ и имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ, національныя традиціи, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. Здѣсь нужны только тѣ средства и пути, которыя ближе всего приводятъ къ цѣли—огражденію частныхъ интересовъ; что же касается того, какимъ именно народомъ найдены эти средства, то для частнаго права это вопросъ совершенно праздный. Примѣръ всей Европы показываетъ, что народы ея другъ у друга заимствуютъ всѣ наиболее цѣлесообразные институты, лишь видоизмѣняя и принаровливая ихъ къ мѣстнымъ климатическимъ и топографическимъ условіямъ. Подобное перенесеніе повсемѣстно даетъ благотворные плоды именно потому, что всѣ эти институты обобщены и приве-